

# ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ АВТОНОМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО ПРАВОВАЯ ФОРМА ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

**Иванов Лев Николаевич**

Аспирант, Московский государственный юридический  
университет имени О.Е. Кутафина  
ivalevnik@bk.ru

## DECENTRALISED AUTONOMOUS ORGANISATION AS A NEW ORGANISATIONAL AND LEGAL FORM OF A LEGAL ENTITY

**L. Ivanov**

*Summary.* The article studies the phenomenon of decentralised autonomous organisation (DAO, DAO) as a potential new organisational and legal form of an economic entity due to the development of digital technologies and the spread of distributed information systems. On the basis of the analysis of essential characteristics of DAO, such as decentralisation of management, absence of traditional bodies and legal personality, as well as the use of smart contracts and tokens, the inconsistency of its qualification within the existing forms of legal entities provided by the civil legislation of the Russian Federation is shown. The possibilities and limitations of applying to DAO structures of autonomous non-commercial organisation, general partnership and investment partnership are considered. The conclusion is made about the necessity of normative rethinking of DAO as sui generis digital form of corporate cooperation, with the development of a specialised legal regime or inclusion of DAO in the framework of legal experiment. The author emphasises that the effective integration of DAOs into the legal system requires a flexible and adaptive model of regulation, combining the technological features of DAOs with basic legal principles.

*Keywords:* decentralised autonomous organisation, digitalisation, corporate law, blockchain, smart contracts, digital asset, legal personality, legal entity.

*Аннотация.* В статье исследуется феномен децентрализованной автономной организации (ДАО, DAO) как потенциально новой организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта, обусловленной развитием цифровых технологий и распространением распределённых информационных систем. На основе анализа сущностных характеристик ДАО, таких как децентрализация управления, отсутствие традиционных органов и правосубъектности, а также использование смарт-контрактов и токенов, показана несостоятельность её квалификации в рамках существующих форм юридических лиц, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации. Рассмотрены возможности и ограничения применения к ДАО конструкций автономной некоммерческой организации, полного товарищества и инвестиционного товарищества. Сделан вывод о необходимости нормативного переосмысления ДАО как sui generis цифровой формы корпоративной кооперации, с разработкой специализированного правового режима либо включением ДАО в рамки правового эксперимента. Автор подчёркивает, что эффективная интеграция ДАО в правовую систему требует гибкой и адаптивной модели регулирования, сочетающей технологические особенности ДАО с базовыми правовыми принципами.

*Ключевые слова:* децентрализованная автономная организация, цифровизация, корпоративное право, блокчейн, смарт-контракты, цифровой актив, правосубъектность, юридическое лицо.

Современные цифровые технологии оказывают фундаментальное влияние на организацию предпринимательской деятельности, создавая предпосылки для появления принципиально новых форм хозяйствующих субъектов. Одним из таких явлений стала децентрализованная автономная организация (ДАО, англ. DAO — Decentralized Autonomous Organization) — модель самоорганизующегося цифрового сообщества, функционирующего посредством технологий распределённого реестра (блокчейна) и смарт-контрактов без централизованного управления. Несмотря на активное развитие подобных структур в зарубежной правоприменительной практике и бизнес-среде, российское законодательство пока не признаёт ДАО как отдельную юридически значимую форму организации экономической активности.

Появление ДАО является частью глобального тренда на цифровизацию корпоративного права, охватывающего автоматизацию процессов управления, цифровые формы выражения воли, а также смещение центра корпоративных взаимодействий в информационную среду. В условиях, когда традиционные юридические конструкции формировались в аналоговом мире, возникновение децентрализованных форм организации поднимает вопрос о применимости классических понятий права [1, 3].

Российское законодательство уже делает шаги в сторону признания цифровых активов, как это видно, например, из положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Закон допускает существование цифровых прав, цифровых акций, а также фиксирует возможность использова-

ния распределенных реестров в корпоративных целях [5, 6]. Однако даже в рамках цифровых непубличных акционерных обществ сохраняется классическая модель юридического лица с органами управления, регистрацией, уставом, фирменным наименованием и физическим местоположением.

DAO, напротив, существует как распределённая сеть, в которой функции управления осуществляются посредством смарт-контрактов и решений, принимаемых через электронное голосование участников, владеющих токенами. В большинстве случаев DAO не имеет централизованного органа, способного представлять её интересы в классическом юридическом смысле, что вызывает трудности при правовой квалификации её деятельности. В литературе DAO нередко описываются как цифровые корпорации, но без юридической персонификации, что делает их уникальным феноменом [7].

Модели DAO различаются по степени децентрализации, целям и объёму взаимодействий между участниками, однако общим для них является стремление к исключению посредников, прозрачности и автоматизации [4, 8]. Тем не менее, эти цели сталкиваются с юридической реальностью: отсутствие правоспособности, невозможность выступать стороной договора в классической форме, а также сложность установления юрисдикции и ответственности участников ограничивают DAO в правовом поле.

В условиях отсутствия четкого правового статуса DAO в большинстве стран, на международной арене предпринимались отдельные попытки институционализировать данный феномен. Так, одним из первых регионов, предпринявших шаги в этом направлении, стал американский штат Вайоминг. В 2021 году здесь был принят закон, предоставляющий DAO возможность регистрации в качестве формы ограниченного партнерства (LLC — Limited Liability Company), при условии соблюдения ряда критериев, в том числе открытого доступа к программному коду организации, наличия устава, сформированного в смарт-контракте, и идентификации ответственных лиц [2].

Аналогичные подходы развиваются в других юрисдикциях — например, в Мальте, Эстонии, Швейцарии (кантон Цуг), а также в рамках инициатив Европейского союза по регулированию цифровых активов (MiCA — Markets in Crypto-Assets). Основной задачей таких реформ является выработка компромисса между инновационной природой DAO и необходимостью обеспечения стабильности, правовой определенности и защиты интересов участников.

Несмотря на существующие различия в правовых системах, в зарубежной практике постепенно формиру-

ется понимание, что DAO требует отдельной правовой формы, а не подгонки под существующие. В этом смысле наблюдается тенденция к созданию новых правовых режимов, сочетающих гибкость и высокую степень автоматизации DAO с базовыми гарантиями юридической защиты и транспарентности. Примером может служить модель «unincorporated DAO», в рамках которой DAO может функционировать как квазисубъект без полного юридического статуса, но с определенными правами и обязанностями, признанными законом.

Рассматривая DAO как потенциальную форму хозяйствующего субъекта, следует признать наличие целого комплекса юридических вызовов, препятствующих её признанию в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Основные из них включают:

Отсутствие правосубъектности. DAO, как правило, не регистрируется в качестве юридического лица, что исключает возможность:

- заключения сделок от имени организации;
- участия в судебных разбирательствах;
- владения имуществом и открытия банковских счетов;
- соблюдения налоговых и бухгалтерских обязательств.

Неопределенность юрисдикции. DAO функционирует в транснациональном цифровом пространстве, что делает затруднительным:

- определение применимого законодательства;
- защиту прав участников;
- идентификацию ответственных лиц.

Отсутствие централизованного органа управления. Традиционные формы организаций в РФ предусматривают наличие хотя бы одного единоличного органа — директора, председателя и т.д. В DAO же управление реализуется через код и коллективное голосование, что вызывает сложности:

- при делегировании полномочий;
- в разрешении конфликтов;
- в распределении ответственности.

Неурегулированность цифровых активов и токенов. В DAO токены выступают одновременно инструментом участия, голосования и инвестиций. Однако российское законодательство:

- не признаёт токены формой доли в капитале;
- не рассматривает их как объект корпоративных прав;
- не определяет правовой статус участников DAO на основе токенов.

Отсутствие механизмов защиты участников. В случае технических сбоев, кибератак или ошибок в смарт-

контрактах участники DAO не могут рассчитывать на правовые механизмы восстановления нарушенных прав в рамках действующей системы.

На сегодняшний день, в российском законодательстве отсутствует полностью релевантная организационно-правовая форма для децентрализованных автономных организаций (DAO) в случае их квалификации в качестве юридического лица. Кроме того, законодательство не устанавливает правовой режим взаимодействия участников в рамках таких образований. Законотворческая деятельность, направленная на регулирование статуса и функционирования DAO, на начальном этапе может включать попытку применения к ним отдельных положений, регулирующих существующие формы юридических лиц. Однако такой подход может носить лишь временный и адаптационный характер.

Одним из потенциальных аналогов могла бы выступать автономная некоммерческая организация (АНО), определяемая в п. 1 ст. 123.24 ГК РФ как «унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства и созданная на основе имущественных взносов граждан и (или) юридических лиц в целях предоставления услуг в сферах образования, здравоохранения, культуры, науки и иных сферах некоммерческой деятельности». Однако при сравнении АНО с DAO выявляются значительные различия:

1. имущество, внесённое учредителями, становится собственностью АНО, в то время как в DAO участники сохраняют контроль над своими активами, удостоверяемыми цифровыми токенами;
2. АНО ориентирована на некоммерческие цели, тогда как участники DAO стремятся к получению прибыли;
3. в АНО управление осуществляется централизованно через исполнительный орган, а в DAO характерен децентрализованный механизм управления;
4. действующее законодательство ограничивает круг учредителей АНО, что противоречит открытости и анонимности участия в DAO.

Следовательно, форма АНО концептуально не соответствует децентрализованной модели организации и целям функционирования DAO.

Альтернативной формой может рассматриваться полное товарищество. Согласно п. 1 ст. 69 ГК РФ, полное товарищество — это объединение лиц, совместно осуществляющих предпринимательскую деятельность и несущих субсидиарную ответственность по обязательствам товарищества. Эта форма действительно ближе к экономической сути DAO, однако и здесь существуют фундаментальные расхождения:

1. участники полного товарищества обязаны вести предпринимательскую деятельность в интере-

сах товарищества, в то время как участие в DAO не предполагает личного вовлечения в операционную деятельность;

2. в DAO отсутствует индивидуальная ответственность участников по обязательствам организации;
3. отсутствует «физическое» место нахождения и необходимость заключения традиционного учредительного договора;
4. в отличие от ограничений, налагаемых на участие в полных товариществах, один пользователь может быть участником нескольких DAO одновременно.

Таким образом, несмотря на определенное сходство, правовой режим полного товарищества не может быть применён к DAO без существенной трансформации.

Рассматривая инвестиционное товарищество, регламентируемое Федеральным законом от 28.11.2011 № 335-ФЗ, можно отметить его направленность на совместную инвестиционную деятельность. На первый взгляд, это соответствует экономическим целям DAO. Однако и здесь наблюдаются существенные расхождения:

1. операции товарищества должны осуществляться только через банковский счёт, тогда как в DAO расчёты могут происходить посредством использования блокчейн технологий;
2. в инвестиционном товариестве предусмотрена централизованная фигура управляющего товарища, в то время как в DAO управление распределено.
3. участниками инвестиционного товарищества могут быть только юридические лица, в отличие от анонимных пользователей блокчейна.

Обязательность нотариального удостоверения договоров и солидарная ответственность управляющих товарищей также противоречат принципам функционирования DAO.

Таким образом, сущность Децентрализованных автономных организаций, как технологических и правовых феноменов не укладывается в рамки традиционных организационно-правовых форм, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации. Проведенный анализ показал, что ни автономные некоммерческие организации, ни полные товарищества, ни инвестиционные товарищества не могут быть признаны адекватной правовой оболочкой для DAO.

Основные характеристики DAO — децентрализация, отсутствие централизованного управления, управление через смарт-контракты, цифровая форма участия — требуют переосмысления традиционных подходов к правосубъектности, корпоративным правам и ответственности участников. В этих условиях российскому

законодателю предстоит найти баланс между необходимостью обеспечения правовой определенности и сохранением гибкости, присущей DAO.

Наиболее перспективным направлением видится разработка отдельного законодательства о DAO либо введение экспериментального правового режима. Это

позволит протестировать предложенные механизмы на практике и обеспечить поступательное развитие цифровых форм хозяйствования с должным уровнем правовой защиты участников. Только посредством создания новой, специальной правовой конструкции возможно полноценное признание DAO как субъектов гражданского оборота в условиях цифровой экономики.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Гутников О.В., Синицын С.А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. N 3. С. 146–157.
2. Закон Вайоминга о DAO [Электронный ресурс]: [https://sos.wyo.gov/Forms/WyoBiz/DAO\\_Supplement.pdf](https://sos.wyo.gov/Forms/WyoBiz/DAO_Supplement.pdf) (дата обращения 12 апреля 2025 года).
3. Карцхия А.А. Цифровые корпорации в новом качестве управления / А.А. Карцхия // Гражданское право. 2020. N 4. С. 22–26.
4. Лаптев В.А., Чуча С.Ю., Фейзрахманова Д.Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. — 2022. — № 1. С. 36–41.
5. Минфин хочет легализовать децентрализованные финансовые организации [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/6211424?ysclid=m2ek1uxa2m538371976> (дата обращения 13 апреля 2025 года).
6. Минфин хочет легализовать децентрализованные финансовые организации [Электронный ресурс]: <https://www.kommersant.ru/doc/6211424?ysclid=m2ek1uxa2m538371976> (дата обращения 13 апреля 2025 года).
7. Олейник Е.В., Шевченко О.М. Понятие и правовое регулирование цифровой корпорации // Предпринимательское право. — 2023. — № 2. С. 36–41.
8. Чеховская С.А. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: основные направления и риски использования // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. — М., 2021.

© Иванов Лев Николаевич (ivalevnik@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»